

Русские в джунглях: Тубабао как промежуточная станция беженцев из Китая в Австралию

Шейла Фитцпатрик

В то время как Шанхай сдавал позиции Коммунистам, Белая эмиграция, для которой Китай был домом с 1920-х, искала пути для бегства. Термин «Белые» или «Белая эмиграция» был в ходу для определения людей, сбежавших из Советского Союза после Революции и включавших в большинстве своем этнических русских, но также евреев, украинцев и армян. После определённого международного давления Международная организация беженцев (МОБ) определила в качестве временного убежища остров Тубабао на Филиппинах. За первые 5 месяцев 1949 года на него эмигрировало 5500 русских. Австралия, сначала отказавшаяся от приема русских, затем приняла 1300 из них по программе МОБ по массовому переселению, по которой уже было принято огромное количество людей (в том числе русских) из оккупированных союзниками зон послевоенной Европы. Огромное количество «белых» прибыло из Шанхая, Харбина и Тяньцзиня, и они были идентифицированы администрацией МОБ как националисты антикоммунисты и казаки. В последствии они станут основой российского сообщества в Австралии, для которого Тубабао станет «страничкой из джунглей» их продолжительной книги истории.

В этой статье будет прослежено путешествие русских из Китая в Тубабао, а затем в Австралию, будут исследованы обстоятельства, которые привели к тому, что Австралия стала местом переселения для многих беженцев, несмотря на первоначальные сомнения и оговорки с обеих сторон и тот факт, что Австралия не смогла обеспечить соблюдение своих обычных строгих требований в отношении безопасности и медицинского обследования.

В 1920-х и 1930-х годах несколько сотен тысяч россиян, покинувших Россию после революции, жили в Китае, большинство из них планировали остаться там на постоянной основе¹. Это было значительное переселение людей, которое, как ни странно, отсутствует в общей истории миграции двадцатого века, возможно, потому, что оно не вписывается в

---

¹ Точных цифр нет. «Белые», прибывшие в Маньжурию-Северо-восточный Китай после Российской революции оценивается в 150-200,000. В начале 1930-х, их было около 115,000, в конце 1930-х, при японской оккупации, 86,000 зарегистрировано японской администрацией Маньчжоу-го: Olga Bakich, 'Russian Emigres in Harbin's Multinational Past: Censuses and Identity', in *Entangled Histories: The Transcultural Past of Northeast China*, ed. D. Ben-Canaan et al. (Cham, Switzerland: Springer, 2014), 84, 92, 95. Эти цифры не включают укоренившегося числа русских в Тяньцзине и Шанхае, число которых составляло 16,000 в 1933: Marcia Reynders Ristaino, *Port of Last Resort: The Diaspora Communities of Shanghai* (Stanford, CA: Stanford University Press, 2001), 72.

доминирующий имперский / колониальный шаблон. Многочисленные русские общины существовали в Харбине, Тяньцзине и Шанхайской французской концессии совместно с небольшими русскими еврейскими общинами². Многие из русских были патриотическими монархистами, которые воевали против большевиков в гражданской войне, гордились своим военным наследием и часто назывались казаками³. В железнодорожном городе Харбине многие русские были инженерами; в Шанхае мужчины часто находили работу в Шанхайском корпусе добровольцев и муниципальной полиции, в то время как женщины работали портнихами, клерками и платными танцоршами (российские проститутки в Шанхае были объектом расследования Лиги Наций в конце 1930-х годов⁴). В Харбине, Шанхае и Тяньцзине развивалась оживленная общественная жизнь с многочисленными патриотическими, филантропическими и культурными ассоциациями, периодическими изданиями, театральными и музыкальными представлениями, а также популярным скаутским движением⁵. Кроме того, Шанхай в 1930-х и 1940-х годах был центром работы многих разведок мира, где продажа разведанных для ряда постоянных ее потребителей стала основой выживания для многих иностранцев, в том числе для Ассоциации русских эмигрантов и всего русского сообщества⁶.

Маньчжурия, включая Харбин, находилась под японской оккупацией с 1932 года, в то время как большая часть Шанхая и Тяньцзиня попала под японский контроль в 1937 году, а иностранные концессии Шанхая были оккупированы японцами в декабре 1941 года. С русскими японцы обращались не слишком плохо - в Шанхае они были единственными представителями западного сообщества, которое не было интернировано во время войны - и многие сотрудничали. После поражения японцев Харбин попал под советскую оккупацию на несколько лет. Советы, заинтересованные в поощрении репатриации, предлагали советские паспорта

---

² В середине 1920-х в Харбине было около 15,000 евреев, хотя многие впоследствии переехали. В 1935 осталось только 5000: Mara Moustafine, 'The Harbin Connections: Russians from China', in *Beyond China: Migrating Identities*, ed. Shen Yuanfang and Penny Edwards (Canberra, ACT: ANU, 2002), 78. Шанхай в поздних 1930-х был домом для 4000-8000 Евреев Ашкеназов (включая недавних беженцев прибывших из Центральной Европы, а также из России, но не включая более старинного сообщества евреев – сефардов: Ristaino, *Port of Last Resort*, 97.

³ Казаки – официальное сословие в Имперской России, которое представляло наиболее влиятельные региональные силы, организовывалось в качестве одного родов вооруженных сил, чьей основной задачей была защита пограничных территорий, в настоящее время казаки представляют сельскохозяйственное население на юге России. После Революции, большинство казаков были ярыми анти-большевиками и воевали на стороне Белых. Не существует противоречий в наименовании себя одновременно и русским и казаком: Григорий Бологов в-первую очередь называл себя русским, а во-вторую - казаком: quoted by T.V. Tabolina, *Russkii dom na Tubabao* (Moscow: Dar, 2016), 41.

⁴ Ristaino, *Port of Last Resort*, 81-95.

⁵ Viktoriia Sharonova, *Istoriia russkoi emigratsii v Vostochnom Kitae v pervoi polovine veka* (Moscow-SPB: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Universitetskaia kniga, 2015).

⁶ Bernard Wasserstein, *Secret War in Shanghai* (Boston, MA: Houghton Mifflin, 1999), 86-88 and passim. Sheila Fitzpatrick and Justine Greenwood, 'Anti-Communism in Australian Immigration Policies 1947-54: The Case of Russian/Soviet Displaced Persons from Europe and White Russians from China', *Australian Historical Studies* 50, no. 1 (2019): 41-62.

всем бывшим гражданам Российской империи, многие харбинские, шанхайские и тяньцзинские россияне соглашались на это, чтобы избежать недостатков отсутствия гражданства, даже если они не были заинтересованы в репатриации. Однако некоторые все таки решили репатриировать, несмотря на тяжелую судьбу тех, кто по слухам отреагировал на более ранний призыв вернуться в Союз 1937 году⁷.

После поражения Японии гражданская война между китайскими националистами и коммунистами усилилась, и коммунисты постепенно одерживали верх. К зиме 1948-49 годов, когда ситуация в Шанхае выглядела опасной, Ассоциация русских эмигрантов лоббировала Международную организацию беженцев на спасение и переселение. Главной заботой МОБ в то время были эмигранты из Европы, включая многих граждан бывшего Советского Союза, а также еврейских беженцев из Восточной Европы после Второй мировой войны. Хотя теоретически полномочия МОБ распространялись на беженцев из самой Азии, на практике эта организация в основном концентрировалась на перемещенных европейцах, в основном евреях, покинувших Европу незадолго до Второй мировой войны, а также на русских евреях, поселившихся в Китае, и белых⁸. За еврейскими беженцами следили как американские еврейские организации, так и МОБ, и многие из них отправились во вновь основанное государство Израиль. У русских не было такого убежища, если они не хотели возвращаться в Советский Союз, и их число в Шанхае росло с каждым днем, поскольку они покинули районы Китая, уже находящиеся под коммунистическим контролем.

Поскольку сам Шанхай находился под угрозой, МОБ убедили, частично благодаря интенсивному лоббированию со стороны Ассоциации русских эмигрантов Шанхая, что эвакуация должна быть предпринята безотлагательно. Сначала МОБ предложила эвакуировать только 500 наиболее активных членов шанхайских «белых русских» организаций (предположительно наиболее подверженных угрозе со стороны коммунистов), но председатель Ассоциации русских эмигрантов Григорий Бологов достал свой пистолет (согласно его собственной и легендарной версии событий) и грозил убить себя тут же, если бы не были включены все россияне, желающие эвакуироваться⁹. Это, очевидно, убедило МОБ существенно увеличить количество эмигрантов, более того, позволить

---

⁷ Bruce F. Adams, 'Reemigration from Western China to the USSR, 1954-1962', in *Migration, Homeland and Belonging in Eurasia*, ed. Cynthia Buckley and Blair A. Ruble (Washington, DC: Woodrow Wilson 2008, 183-201.

⁸ Louise W. Holborn, *The International Refugee Organization (Refugee Organization)* (London: Oxford University Press, 1956), 186.

⁹ G.K.Bologoff, fragment written on Tubabao in 1949, in *Tubabao. Russian Refugee Camp. Philippines 1949-1951* (Sydney, Russian historical Society in Australia, 1999), 5; Tabolina, *Russkii dom*, 7.

ассоциации провести отбор людей для эвакуации, что привело к эффективному исключению российских евреев. Проблема заключалась в том, куда их следует направлять, поскольку практически каждая страна получившая запрос на предоставление временного убежища - включая Австралию, Японию, Гуам, Момбасу и Сарауак – отклонили запрос на предоставление убежища¹⁰. Единственный положительный ответ пришел из Филиппин, где президент страны Ельпидио Квирино готов был принять 6000 русских на 4 месяца, пока МОБ ищет место для их постоянного переселения¹¹.

Эвакуация русских из Шанхая в Тубабао началась в январе 1949 года и закончилась в начале мая¹². Для того, чтобы подготовить инфраструктуру к приему беженцев, передовая группа, возглавляемая Олегом Мираном, выдвинулась на Филиппины. Что последовало дальше, можно назвать чередой комедийных происшествий. Капитан Джерард Прайс, глава офиса МОБ на Филиппинах, который должен был встретить их в Маниле, так и не появился. Когда они прибыли на Гуяан, вместо того, чтобы расквартироваться там, они обнаружили, что весь жилой фонд уже занят прибывшими частями армии США. И им пришлось переместиться на неподготовленный для этого остров Тубабао. Густо заросший кустарником и кокосовыми пальмами, Тубабао кишел москитами, ядовитыми змеями и скорпионами, а также часто был подвержен тропическим дождям и тайфунам¹³. Он был соединен мостом (пока в 1951 году тайфун его не разрушил) с городом Гуяан на острове Самар, 500 миль южнее Манилы. Согласно слухам, смена места дислокации беженцев произошла из за того, что президент Филиппин хотел помочь в развитии острова своему другу, как раз владевшему землей острова Тубабао. Официальное объяснение утверждало, что выбор места связан с большей площадью острова в 10 кв. миль, где количество контактов беженцев с местным населением будет минимальным, а также все они будут находиться под пристальным контролем¹⁴. МОБ так мало знал об этом лагере и местных условиях жизни,

---

¹⁰ Из воспоминаний Директора МОБ Генерала Кингсли от 4 October 1949, AJ/43/580, Archives nationales (Paris) (далее ANP).

¹¹ Holborn, *International Refugee Organization*, 423. Дата из воспоминаний Директора МОБ Генерала Кингсли, 4 October 1949, AJ/43/580, ANP.

¹² N.V. Moravskii, *Ostrov Tubabao, 1948-1951. Poslednee pristanishche rossiiskoi dal'nevostochnoi emigratsii* (Moscow: Russkii put', 2000), 2-3. Первое судно, Hwa Lien, покинуло Шанхай с 500 беженцами 15 января 1949: Ristaino, *Port of Last Resort*, 265.

¹³ Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 10.

¹⁴ Holborn, *International Refugee Organization*, 424.

что во всех официальных записях лагерь в Тубабао назывался «Самар», по почтовому адресу¹⁵.

Когда группа Мирама пересекла мост на Тубабао, они обнаружили заросшие джунгли, отсутствие дорог, электричества, водоснабжения и туалетов, а также полное отсутствие жилища за исключением старого военного барака. Так как в скором времени ожидалось прибытие первых беженцев из Шанхая, передовой группе пришлось приложить колоссальные усилия по созданию базовых условия существования на острове. Задача становилась тем сложнее, что сильный дождь практически не прекращался день ото дня. Первое судно, Хва Лиень, с 500 беженцами на борту, прибыло в самый разгар этих работ¹⁶. Глава прибывших беженцев, полковник сухопутных войск царской России Константин Ключе, был настолько потрясен увиденным, что отказался выпускать женщин и детей с борта судна под хлещущий ливень, и в своей самонадеянности жестоко оскорбил представителя президента Филиппин господина Евгенио¹⁷. Результатом стало возвращение Ключе в Манилу, вероятно в заключение¹⁸, а Бологов срочно вылетел из Шанхая 4 февраля 1949 года, чтобы возглавить переселенцев¹⁹.

Жизнь в Тубабао

Первыми жилищами для беженцев служили хлипкие палатки, а воду черпали из реки и кипятили в чайниках; позже они построили хижины, трубопровод для воды, две церкви, школу и госпиталь. Лагерь был разделен на 14 районов, некоторые названы в честь выдающихся членов общины или по какому-либо признаку, например, районы Президентский (где жили Бологов и его сподвижники), Музыкальный или Район Скаутов. Каждый район, включавший порядка 300 человек, имел главу, следящего за порядком и выдававшего распоряжения, а также общественную кухню, где еда готовилась в огромных котлах²⁰. Мужчины в обязательном порядке участвовали в строительных работах, в то время как женщины работали

---

¹⁵ Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 4.

¹⁶ Tabolina, *Russkii dom*, 7. Этим же судном в январе 1947 транспортировали множество евреев из Шанхая в Австралию, спровоцировав серьёзные разногласия с властями, так как число евреев значительно превышало заявленное требования, что еврейская часть беженцев не должна превышать 25 %: Jayne Persian, "The Dirty Vat": European Migration to Australia from Shanghai, 1946-47', *Australian Historical Studies* 50, no. 1 (2019): 21-40.

¹⁷ Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 9.

¹⁸ Oleg Miram, *Tubabao Island Camp*, in *Tubabao. Russian Refugee Camp*, 16. Позднее он и его супруга получили разрешение на поселение в Тубабао, однако этим правом воспользовались только их дочь Ольга с мужем. Сам Ключе с супругой оставались в Маниле, пока не получили визы в США, куда и отправились. См. Olga Pronin, 'Honeymoon on Tubabao', in там же., 24-25.

¹⁹ Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 7.

²⁰ Tabolina, *Russkii dom*, 7.

посменно на общих кухнях, а позже, по мере расширения возможностей лагеря, в качестве машинисток, учителей и медсестер.

Высшей властью в лагере был директор МОБ (первоначально Джим Феннелл, который был отозван после того, как он сказал в присутствии должностного лица Филиппин, что «это место не подходит для белых людей»; позже - капитан Кумбс, бывший военный ВМС США, который по слухам нравился русским, несмотря на алкоголизм и управленческую некомпетентность²¹), и постоянный представитель службы безопасности Филиппин, в обязанности которого входила проверка почты беженцев. Примерно через месяц МОБ также послал сотрудника по переселению Эрика Богена. Кроме того, беженцы имели свою собственную внутреннюю администрацию во главе с Бологовым, а под его руководством работали районные руководители. Лагерь сформировал собственную полицию, в основном из людей среднего возраста, ранее служивших в кадетских корпусах или в полиции иностранных концессий Шанхая. Беженцы могли свободно передвигаться по территории лагеря, где не было колючей проволоки или вооруженных охранников, но для того, чтобы отправиться небольшими группами на экскурсии в Гуяан, требовался специальный пропуск от службы безопасности Филиппин. Хотя посторонним было запрещено входить в лагерь, местные торговцы открыли кафе и киоски прямо за его пределами. Для беженцев был введен комендантский час - до 10 часов вечера по будням и до 11 часов вечера в выходные²².

Для сотрудников МОБ связь с офисами в Маниле и Женеве была затруднительна, поскольку Гуяан, где находилось ближайшее почтовое отделение, работал всего несколько часов в день, а из Манилы был только один авиарейс в день²³. Связь была еще большей проблемой для беженцев, чья исходящая почта изначально должна была быть на английском, чтобы филиппинские цензоры могли ее понять²⁴.

Центральная площадь, известная как «Красная площадь» в честь московской, была очищена для собраний, концертов и лекций²⁵; после

---

²¹ Oleg Miram (San Rafael, California, 1999), 'Tubabao Island Camp. How It All Started 50 Years Ago', in *Tubabao. Russian Refugee Camp*, 14.

²² Tabolina, *Russkii dom*, 4, 10, 13.

²³ Eric Bogen, 'Report on resettlement activity from April 12th to April 30th [1949 g.]', AJ/43/1076, Folder 8, ANP; 'I.R.O. Camp, Guiuan, Samar, Philippine Islands. Report by B.K. Lawrey on activities of Australian Immigration Selection Team', 29 July 1949, A2169 1949, National Archives of Australia (hereafter NAA).

²⁴ Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 13. Позже контроль ослабили, позволив в общении с родственниками писать на русском.

²⁵ Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 4, 20. Отмечу, что 'Красная Площадь' ('красный' в значении красивый) – это царское и советское название центральной площади в Москве возле Кремля; коммунисты не были против сохранения названия. Gary Nash считал такое название шуткой: Geri Nesh (Gary Nash), *Poteriavshie rodinu. Semeinaia saga Tarasovykh* (Russian translation of *The Tarasov Saga* [Kenthurst, NSW: Rosenberg, 2002]) (St. Petersburg: Liki Rossii, 2011), 229.

создания общины, скауты и армейские кадеты организовывали там костюмированные балы. Проходили выступления духового оркестра из района Музыкантов во главе с П.Ф. Тебневым, дирижером Полицейского хора французской концессии Шанхая²⁶. Также там проходили регулярные танцы под джаз с граммофона, транслируемого через громкоговорители, а также усилиями местных талантов²⁷. В лагере показывали американские фильмы, такие как «Пожинать бурю» Джона Уэйна. Один антисоветский беженец с теплом вспоминал показанный им документальный фильм времен «холодной войны» о побеге Игоря Гузенко из посольства СССР в Канаде²⁸. Жители лагеря выпускали несколько переименованных газет, и копии газет «Манила таймс» и Сан-Франциско, а также иногда появлялся антикоммунистический журнал «Посев» эмигрантской организации Народно-трудовой союз российских солидаристов²⁹. Кроме того, один житель лагеря владел коротковолновым радио и слушал «Голос Америки»³⁰.

Возможно, наиболее важным из всех развлекательных мероприятий на острове, по крайней мере, для подростков и группы мужчин среднего возраста, был скаутинг, подходящий как для дикой среды джунглей, так и для традиций русской жизни в Китае. Лидер скаутов Алексей Князев привел группу беженцев из Тяньцзиня под защиту МОБ в Шанхае в 1948 году. Они сформировали район «Скаутов» на Тубабао, члены которого составили ядро будущей группы скаутов Тубабао, а затем группы, созданной русскими мигрантами в Блу Маунтинс за пределами Сиднея в Австралии. Большинство из этих беженцев знали английский язык и гордо носили свои скаутские галстуки (разные цвета в зависимости от опыта). Маленький Никита Гилев, который позже поселился в Австралии, вспомнил, как получил свой первый оранжевый галстук-скаута на Тубабао³¹.

В общей сложности 5500 «белых» были эвакуированы в Тубабао³², хотя численность населения лагеря колебалась из-за отъездов и, реже, отдельных прибывших. Этнические русские, многие из которых (включая Бологова), также идентифицирующие себя как казаки, составляли подавляющее большинство (87 процентов) группы. Но были представлены и другие народности старой Российской империи - украинцы, поляки, турко-татары, латыши и т.д., за одним существенным исключением: евреев. Хотя евреи

---

²⁶ Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 21; Nesh, *Potriavshie*, 229.

²⁷ Nesh, *Potriavshie*, 229.

²⁸ Ibid.; Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 21. Моравский ошибся в имени - написал 'Гудзенко'.

²⁹ Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 20. НТС – эмигрантская организация, стремящая свергнуть советский режим.

³⁰ Pastor Andrei Urusov. Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 18.

³¹ *Avstraliada* 16 (1998): 33-34; see also *Avstraliada* 15 (1998): 24-25, and Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 22-28.

³² Holborn, *International Refugee Organization*, 490.

составляли значительную часть русскоязычного населения Шанхая, и большинство из них стремились уехать в 1949 году, ни один человек, идентифицирующий себя как еврей, не нашел место в списке (отобранном Ассоциацией русских эмигрантов под руководством Бологова) беженцев на Тубабао³³. Ряд беженцев не из Российской империи (британцев, чехов, немцев) каким-то образом попали на Тубабао, вероятно, как супруги россиян. Кроме того, по данным МОБ, на Тубабао было, по меньшей мере, три китайских жены русских беженцев³⁴, не говоря уже о группе из 48 несопровождаемых детей, «незаконнорождённых в браках с Китайскими и Белыми русскими», которых благонамеренный православный архиепископ Иоанн привез из Шанхая. Их переселение должно было вызвать у МОБ много проблем, поскольку, будучи «полукровками», они были неприемлемы для переселения в Австралию и другие места; в конечном счете, архиепископ сумел доставить их вместе с собой в Нью-Йорк³⁵.

Соответствующий своему странному (само-)отбору³⁶, контингент Тубабао включал большое количество людей старшего возраста (40+), которые обычно игнорировались МОБ и национальными группами по переселению; в этих группах также была необычно высокая доля поздних браков, в результате которых в семьях родители были слишком старыми для переселения, а дети-подростки были слишком малы³⁷. Показатели здоровья также были значительно ниже, чем требовалось австралийским нормам по отбору потенциальных мигрантов³⁸ в Европе. Российские беженцы были в основном православными по вероисповеданию, за исключением группы из примерно дюжины мужчин, женщин и детей из Тяньцзиня, которые были баптистами, не пили и не курили, и держались в стороне от остальных. Некоторое время харизматичный пастор Восточно-обрядовой католической церкви, потомок княжеской семьи Урусовых, активно участвовавший в скаутском движении, контролировал лояльность многих молодых людей, прежде чем отправиться в Манилу из-за болезни, а затем в США. Немногие в

---

³³ Есть некоторые различия в данных по этническим группам от МОБ (in 'Statistics on camp population as of end of June 1949' [by family, not individual], AJ/43/580, ANP) и от руководителя скаутов Князева (figures for April 1949, cited in Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 14), но ни в одном из них не было евреев. Однако, могли быть супруги-евреи русских и польских эмигрантов, которые раскрыли свою национальность при подаче видов на жительство в США (которые в отличие от Австралии не отказывали в подобных случаях): см. сноски к 10 из 1117 беженцев из Тубабао отправившихся в Сан – Франциско на судне «*Gen. I Hahn*» в январе 1951: Ristaino, *Port of Last Resort*, 266-67 and 333 (n. 91).

³⁴ Report of Thomas Jamieson, 22 May 1949, 'Summary of subject of sovereign nations in IRO-UNEC', and unsigned cable to IRO from Manila, 24 May 1950, AJ/43/580, ANP.

³⁵ Report of Thomas Jamieson, special envoy to Philippines, to IRO HQ in Geneva, 1 July 1949, AJ/43/580, ANP; letter from resettlement officer Susan Petties to Mollie Rule, 21 July 1950, AJ/43/1076, Folder 10, ANP; Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 16.

³⁶ Четкого разграничения ответственности между МОБ и REA не было, но Моравский в своих записках четко заявлял, что REA эффективней в плане отбора, а МОБ в организации проживания и транспорта на Филиппинах.

³⁷ AJ/43/1076, Folder 8, ANP.

³⁸ Описание высокой заболеваемости туберкулезом описаны далее.

русской группе имели высшее образование, но многие представители молодого поколения, которые учились в английских и французских школах в Тяньцзине и Шанхае, хорошо знали английский³⁹.

До того, как Австралия внезапно изменила свое мнение и согласилась принимать русских из Тубабао в качестве мигрантов, австралийские власти питали «серьезные сомнения в моральных стандартах русских из Шанхая»⁴⁰. Шанхайских русских часто помещали в одну категорию нежелательных иммигрантов с шанхайскими евреями⁴¹. Именно предотвращение массовой еврейской иммиграции из Шанхая или других стран было в то время одной из основных, хотя и не подтвержденных, целей австралийской иммиграционной политики⁴². МОБ, хотя и не симпатизировала позиции Австралии в отношении еврейской иммиграции, разделяла негативную оценку австралийцами шанхайских русских. Со слов официального историка МОБ:

В Китае [беженцы из тубабао] были правительственными чиновниками, полицейскими и т.д.; большинство были белыми воротничками. Их состав и предшественники были одной из самых трудных групп, с которыми МОБ пришлось разбираться. Среди них 150 проституток и десятки наркоманов и алкоголиков; немногие из них работали охотно или помогали содержать лагерь в чистоте без оплаты ... Более старые среди них все еще сохраняли надежду на победоносное возвращение в Россию; и была распространена идея, что, поскольку они были самыми первыми беженцами от большевиков, мир был им обязан⁴³.

Это необычно суровая оценка, но факты проституции были действительно известны. В 1951 году, когда на острове остались представители только «сложного контингента», сотрудник МОБ заметил, что одна русская девушка была «единственным счастливым человеком» на Тубабао, так как она «стала проституткой и хорошо зарабатывала на филиппинской армии» и не видела причин для переселения⁴⁴. Ликер в виде дешевого бренди под названием «Майорка», стоившего 70 центов США за

---

³⁹ Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 14.

⁴⁰ I.R.O. Camp, Guiuan, Samar, Philippine Islands. Report by B.K. Lawrey on activities of Australian Immigration Selection Team', 29 July 1949, A2169 1949, NAA. See also Persian, "The Dirty Vat".

⁴¹ См., например, заключение по итогам совещания Департамента Иммиграции от 30 сентября 1948, где было указано, что «Шанхай не может считаться подходящим местом для отбора иммигрантов для Австралии», A6980 S250253, NAA.

⁴² Suzanne Rutland, "Waiting Room Shanghai": Australian Reactions to the Plight of the Jews in Shanghai after the Second World War', *Leo Baeck Institute Yearbook XXXII* (1987): 407-33.

⁴³ Holborn, *International Refugee Organization*, 425. Более трети их них подали заявки на визы США в период с 1946-49, а 1400 из них – в Аргентину в 1948.

⁴⁴ Letter from Mollie Rule to W.S. Boe, Geneva, 25 May 1951, AJ/43/582, ANP. On prostitution on Tubabao, see also Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 15, and AJ/43/1076, Folder 4, ANP.

пол-литра, был распространен и легко доступен, и по прошествии нескольких месяцев пока будущее лагеря оставалось неопределенным, пьянство и алкоголизм, а также психические заболевания стали все возрастающей проблемой⁴⁵.

По словам одного историографа из числа беженцев⁴⁶, «скука жизни» на острове «оказала плохое влияние на настроение и поведение» - распространялись злонамеренные слухи и доносы. Несмотря на численное преобладание русских, между ними и беженцами других национальностей продолжались конфликты, у каждого из которых был свой лидер, признанный МОБ⁴⁷. Русская община, в подавляющем большинстве антикоммунистическая, была разделена на политические фракции, в частности, монархистов и «солидаристов», то есть сторонников (антисоветской, но не монархической) эмигрантской организации Народно-трудовой союз, которая имела своего официального представителя на острове⁴⁸. Вражда и взаимное подозрение усилились с разрушительным прибытием на остров двух советских перебежчиков – «непристойных, злобных и недопустимых» - которые были расценены основной группой эвакуированных из Шанхая как советские агенты⁴⁹. В дальневосточной прессе иногда говорили, что Тубабао стал местом «интриг и махинаций Ватикана и Американской разведки», а Бологов и его соратники описывались как «агенты гоминдановской [китайской националистической] разведки⁵⁰». Независимо от каких-либо связей с разведкой, Бологов, хоть некоторые и восхищаются им как «практичным человеком, который не боится брать на себя ответственность»⁵¹, оказался бельмом на теле МОБ из-за его готовности бросить все свои силы неустанно писать петиции и доносы иностранным правительствам и международным властям. Он «постоянно пытался управлять лагерем по своему желанию и противостоять лидеру лагеря - капитану Кумбсу, когда выпадал шанс», - жаловался сотрудник МОБ. «На встрече с районными лидерами, которая проходила недавно, он зашел так далеко, что сказал, что ему удастся сместить капитана Кумбса ...»⁵².

---

⁴⁵ По алкоголизму смотри Nesh, *Poteriavshie*, 230 and letter from Rule to Boe, 25 May 1951, AJ/43/582, ANP; по психзаболеваниям, AJ/43/1076, Folder 1, and AJ/43/1078, vol. 39, ANP.

⁴⁶ Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 15.

⁴⁷ 'I.R.O. Camp, Guiuan, Samar, Philippines. Report by B.K. Lawrey on activities of the Australian Selection Team', 29 July 1949, A2169 1949, NAA.

⁴⁸ Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 20. Первым представителем НТС был Анатолий Коновец, также активный скаут на Тубабао. После его отъезда в Австралию, это место занял историограф острова - Никита Моравский.

⁴⁹ AJ/43/1076, Folder 2, ANP. Они были отправлены на Туабао генералом МакАртуром в Токио и ожидали, что к ним отнесутся как героям-перебежчикам.

⁵⁰ AJ/43/1078, ANP. Жерардом Прайсом цитируется газета Daily News (вероятно русскоязычной), 21 июня 1949.

⁵¹ Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 30.

⁵² Письмо от Богена мистру Якобсену, зам. Гендиректору МОБ, 26 мая 1949, AJ/43/1076, Folder 4, ANP.

Пункт назначения - Австралия

Первоначально Австралия не была запланированным конечным местом назначения, выбранным шанхайскими русскими. Для них Австралия была неизвестной, далекой, наверняка жаркой и населенной в основном кенгуру. Почти все они хотели добраться до Америки⁵³. Но США открыли «двери» только в 1950 году, поэтому многие сдались и обратились за помощью в Австралию, которая стала более или менее единственным вариантом, доступным жителям Тубабао в 1949 году⁵⁴.

Переезд в Австралию часто проходил хаотично и под жестким руководством МОБ, иногда разделяя семьи. Молодой Алик Амброс, родившийся в Харбине в 1934 году и ходивший в школу в Шанхае, оказался на Тубабао после явного отказа от своей матери-одиночки и отказа от репатриации (советскими властями) и переселения (со стороны МОБ) на том основании, что он был слишком молод; МОБ наконец решила эту проблему, объединив его с бездетной русской парой, которой нужен был молодой член семьи, чтобы получить визу где угодно, и отправив троих из них в Тубабао⁵⁵. Русская Наталья Татаринова, родившаяся в 1923 году в Шанхае, вышла замуж в молодости и собиралась поехать в Аргентину с украинской семьей мужа, но она поняла, что это будет означать жить со своей свекровью, и передумала. Она закончила эвакуацию в Тубабао в феврале 1949 года со своей бабушкой и 30-месячным сыном. Ее решение поехать в Австралию было принято в последнюю минуту, после того, как они пропустили два раунда заявок, но поскольку ее бабушка была слишком пожилой, чтобы ее могли забрать австралийцы, Наталья отправила ее к дяде в Нью-Йорк (где она попала в женский монастырь и вскоре умерла). Как это случилось, ее мать и отец (разделенные, у каждого из них был новый партнер) также самостоятельно высадились в Тубабао, но они были слишком стары, чтобы сразу попасть в Австралию. Через несколько лет после своего переезда Наталья смогла спонсировать переезд всех четырех из них в Австралию⁵⁶.

Австралия, в свою очередь, почти до последней минуты относилась без энтузиазма к вывозу русских из Китая и Тубабао на временной основе или навсегда. Официальная политика, сформулированная до второй половины января 1949 года, была направлена против любых, кроме незначительных,

---

⁵³ AJ/43/1076, Folder 8, ANP.

⁵⁴ Александр Понкин, например, собирался отправиться в Северную Америку, но попал в Австралию, так как ее представитель появился на Тубабао раньше. Iurii Ponkin, *Put ottsa* (Sydney: Avstraliada, 1997), 169-70.

⁵⁵ *Avstraliada* 33 (2002): 32-35.

⁵⁶ *Vospominaniia Natalii Leonidovny Tatarinovi*, *Avstraliada* 75 (2013): 16-26.

признаний русских или русскоязычных евреев из Шанхая⁵⁷, и Австралия категорически отказывалась предложить даже временное убежище для шанхайских русских. Смена политики и прием неуставленного числа русских из Шанхая в качестве постоянных иммигрантов, по-видимому, произошли в третью неделю января 1949 года⁵⁸, а решение было объявлено в Канберре 15 февраля⁵⁹. Это сделало Австралию первой, и до некоторого времени единственной, страной готовой принять этих беженцев⁶⁰. Хотя причины такого поворота неясны, вероятным фактором являются давление со стороны США и МОБ. Без сомнения, яростный антикоммунизм беженцев был решительной рекомендацией, и, учитывая сильные оговорки Австралии в отношении приема еврейских мигрантов, отсутствие евреев в группе Тубабао, должно быть, также было безоговорочно оценено.

Австралийская отборочная миссия, возглавляемая Б.К. Лоури из Департамента иммиграции, прибыла в марте 1949 года и оставалась там в течение четырех месяцев⁶¹. Первоначально предпочтительными группами беженцев были одинокие мужчины до 45 лет (позднее до 50 лет), одинокие женщины до 35 лет, и бездетные супружеские пары до 45 лет готовые к разделению. Супружеские пары с одним или несколькими детьми также могли быть приняты, при условии, что отцу было не более 50 лет. «Европейская раса» была обязательным условием отбора, но в пределах европейской группы не было никаких ограничений по национальности, за исключением того, что «ввиду убежища, предоставляемого Израилем для евреев, евреи не должны рассматриваться для отбора, за исключением случаев, когда они могут внести особый вклад в экономику Австралии»⁶². Ожидалось, что мигранты будут выполнять ручной труд на местах, назначенных правительством Австралии в течение двух лет (как было указано в требовании для перемещенных лиц, прибывающих из Европы в соответствии с программой массового переселения МОБ). В течение этого времени на них будет распространяться Свидетельство о временном

---

⁵⁷ Подробно смотри: Fitzpatrick and Greenwood, 'Anti-Communism in Australian Immigration Policies'.

⁵⁸ Пояснительная записка между офисами от Рикфорда к Якобсену, 11 февраля 1949, о желании стран принимать беженцев с Туабао: AJ/43/580, ANP. О резком изменении решения смотри: Fitzpatrick and Greenwood, 'Anti-Communism in Australian Immigration Policies'.

⁵⁹ Заявление в *Australian Newsletter* (Australia House, London) гласило, что на Филиппины будет отправлена команда для эвакуации европейцев из Шанхая для дальнейшего переселения их в Австралию. AJ/43/220, ANP.

⁶⁰ 'Situation in Far East', записка без даты, AJ/43/1076, Folder 8, ANP

⁶¹ 'I.R.O. Camp, Guiuan, Samar, Philippine Islands. Report by B.K. Lawrey on activities of Australian Immigration Selection Team', 29 July 1949, and 'Admission of White Russians and others evacuated from Shanghai', Commonwealth Immigration Advisory Council, July 1949, A2169 1949, NAA. Лоури прибыл на Манилу 5 марта 1949 г. и на Гуаюань 9 марта. Членами его миссии были: J.B. Kemp из департамента иммиграции Австралии, доктор F.W.K. Ponsford из департамента здравоохранения, и лейтенант L.B. Rogers офицер армейской разведки для изучения контингента беженцев.

⁶² Lawrey report, 29 July 1949, A2169 1949, NAA.

статусе⁶³, которое при условии удовлетворительной работы впоследствии будет преобразовано в разрешение на постоянное проживание.

По иронии судьбы, учитывая затягивание Австралией вопроса о «китайских» русских, австралийская миссия прибыла слишком рано - до того, как все беженцы прибыли из Шанхая или для них были предоставлены жилые или служебные помещения. Лодки беженцев все прибывали из Китая и росло число нуждающихся в размещении, а условия в лагере были настолько ужасными, что «люди сильно беспокоились о себе и не интересовались возможностями переселения»⁶⁴. В течение первого месяца австралийская миссия действовала в еще более неблагоприятном положении, поскольку на острове еще не было сотрудника МОБ по переселению. Первые впечатления Лоури были неблагоприятными. Будучи сотрудником Департамента иммиграции, осведомленным о сомнениях в отношении морали и политической надежности русских в Шанхае, высказанных в Департаменте и консульстве Австралии в Шанхае в годы до 1949 года, он рассматривал лидера русских Бологова с некоторым подозрением. Он отметил отсутствие энтузиазма у многих россиян к ручному труду и обеспокоенность враждебностью казачьего элемента к Британской империи (из-за роли Великобритании в насильственном послевоенном возвращении в Советский Союз казаков, сражавшихся с немцами во время Второй Мировой войны) и, следовательно, к Австралии⁶⁵.

Первоначальный скептицизм становился даже шире. По словам сотрудника МОБ по расселению Эрика Богена (который прибыл только через месяц после начала австралийской миссии), «беженцам не была предоставлена достоверная информация об условиях, в которых они могут въехать в какую-либо конкретную страну», и было много слухов. Например, что они не будут получать зарплату во время отработки обязательного двухлетнего контракта в Австралии⁶⁶. Австралийская отборочная миссия, «хотя и состоящая из четырех очень добросердечных мужчин», испытывала трудности с установлением отношений с русскими, потому что никто из них никогда не имел отношения к беженцам или не обладал сведениями о китайско-русской общине. Кроме того, как стало известно, что в работе находится поправка к законопроекту о беженцах США, которая разрешит

---

⁶³ Там же. Требование об обязательной отработке двух лет предъявлялось такое же как по программе массового переселения из Европы в Австралию к сильно перемещенным лицам., но оно не предъявлялось к мигрантам, предоставляющим спонсорскую помощь стране.

⁶⁴ Bogen, 'Report on resettlement activity from March 29th to April 12th', 14 April 1949, AJ/43/1076, Folder 8, ANP.

⁶⁵ Письмо в департамент миграции, 13 April 1949, A445, 235/3/7, NAA.

⁶⁶ Bogen, 14 April 1949, AJ/43/1076, Folder 8, ANP.

прием «белых» русских, большинство беженцев, включая «многих желательных для Австралии лиц», были склонны сидеть сложа руки и ждать его принятия. (Это чувство ослабло, поскольку прошли месяцы, а Конгресс США не продвинулся ни на шаг). В результате «многочисленных недоразумений и напрасных ожиданий, к тому времени, когда я приехал сюда, было подано менее 200 заявлений (около 400 человек)»⁶⁷.

С началом работы Богена, возможно и по корыстным причинам, ситуация изменилась. Он смог предоставить подробную информацию об Австралии и преимуществах переселения в нее. Действительно, его блестящее описание Австралии и доброжелательные призывы к беженцам подать заявку вызвали новые слухи о том, что МОБ, и лично Боген, «получают комиссию от правительства Австралии за всех, кого мы «продаем» этой стране»⁶⁸. Были и другие факторы. Александра Толстая - младшая дочь писателя Льва Толстого, основатель Фонда Толстого и большая активистка в деле переселения русских беженцев в США - разочаровывалась в американских перспективах, так как из месяца в месяц Конгресс не принимал поправку о переселенцах⁶⁹. В июне 1949 года она написала Бологову, настоятельно советуя русским на Тубабао «ни при каких обстоятельствах не отклонять предложение о переселении в Австралию», указав, что в Австралии отличный климат; местное население, предлагающее «внимательное отношение к беженцам»; и экономика, столь оживленная, что «в последние несколько дней мы получили информацию о том, что поселенцы, которые поселились там [из Европы], уже являются землевладельцами»⁷⁰. То, что Австралия стала «землей изобилия» подтверждается еще одним письмом, полученным Бологовым от русского шанхайского мигранта в Австралию, в котором сообщалось, что в течение шести месяцев после его прибытия он «уже купил автомобиль»⁷¹. Лоури, со своей стороны, познакомился с русскими и увидел их в более оптимистичном ключе. По итогам его доклада за июнь, он не заметил в лагере признаков «широко распространенной аморальности», и «хотя, несомненно, были некоторые нежелательные элементы, они составляли очень небольшой процент, который в лагерном сообществе был презираем». Кроме того, их

---

⁶⁷ Там же. Эти цифры подтверждаются собственным докладом Лоури, 'I.R.O. Camp, Guillian, Samar, Philipin Islands', 29 July 1949, A2169 1949, NAA.

⁶⁸ Bogen, 'Report on resettlement activity from March 29th to April 12th', 14 April 1949, AJ/43/1076, Folder 8, ANP.

⁶⁹ Принятая в апреле 1950 года поправка о переселенцах позволила въехать в США 4000 беженцев из Китая, а отборочная миссия из США приехала на Тубабао в сентябре 1950 г.: Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 32-33.

⁷⁰ Письмо от А. Толстой к Бологову, 3 June 1949, AJ/43/580, ANP. В действительности в Австралии земля была дешевой и доступной, и многие мигранты были способны купить участок в течение нескольких лет. Проблема была в строительстве дома, зачастую мигранты строили его сами.

⁷¹ Bogen, 'Report on resettlement activity from May 1st to June 20th', 21 June 1949, AJ/43/580, ANP.

оправдывали сильные религиозные (православные) убеждения и антикоммунизм, а также знание молодежи из Шанхая английского языка⁷².

Не все были уверены в такой привлекательности Австралии: Никита Моравский, например, «подал заявку на получение австралийской визы, но сразу же отклонил ее, когда узнал, что нужно подписать пустой лист бумаги, обязывающий работать два года на неизвестном предприятии»⁷³. Тем не менее, по состоянию на конец мая, когда корабль «Хейвен» забрал первый контингент мигрантов в Австралию, 1200-1300 человек зарегистрировались на борту, хотя многим еще предстояло пройти проверку безопасности⁷⁴ в стране. Стало даже так много запоздавших заявок, что МОБ попросила правительство Австралии продлить срок приема беженцев. «Австралийская схема стала довольно популярной в конце концов»⁷⁵.

Среди заявителей был и сам Бологов, чей товарищ по переписки из Сиднея заверял его, что, хотя русская колония в Австралии была крупной, у нее не было лидера, который мог бы объединить ее - задача, для которой амбициозный Бологов, (уже «известный здесь, не только для россиян, но также и в правительственных кругах»), подходил как нельзя лучше⁷⁶. Это, конечно, было обнадеживающе для амбициозного Бологова, но в меньшей степени для австралийской миссии по отбору, которая, вероятно, прочитала письмо благодаря перлюстрации переписки беженцев. В апреле Лори писал в Департамент иммиграции, что, хотя он «не был готов полностью отклонить заявление Бологова», учитывая его «большое влияние в кругах русских эмигрантов», он «настоятельно рекомендовал бы» отклонение, поскольку он решил, что Бологова не столько привлекает Австралия как таковая, сколько он заинтересован в сохранении своего лидерства в российской группе беженцев. А это будет иметь «пагубные последствия для ассимиляции этих людей»⁷⁷. Официальной причиной отказа был возраст Бологова - 54, по словам Лоури, хотя, как и многие перемещенные лица, Бологов утверждал, что был почти на десять лет моложе⁷⁸ - но МОБ было известно, что реальная

---

⁷² I.R.O. Camp, Guiuan, Samar, Philippine Islands. Report by B.K. Lawrey on activities of Australian Immigration Selection Team', 29 July 1949, A2169 1949, NAA.

⁷³ Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 32.

⁷⁴ Письмо от Богена мистеру Якобсену, зам. Гендиректору МОБ, 26 May 1949, AJ/43/1076, Folder 4, ANP.

⁷⁵ Bogen, 'Report on resettlement activity from May 1st to June 20th', 21 June 1949, AJ/43/580, ANP.

⁷⁶ Letter from Stepan Kargopoloff, Sydney, 25 March 1949, to Bologoff, AJ/43/1076, Folder 10, ANP. Presumably Bologoff's reputation in government circles was the result of his tireless penning of appeals for international help for his Russian community, including to the Australian government. See, e.g., report of two telegrams sent by Bologoff to Calwell asking him to admit Shanghai Russians, in 'Memo for Mr McIntyre: Immigrants from Shanghai', 16 November 1948, A1838 494/1/202, NAA.

⁷⁷ Лоури для Департамента Иммиграции, 28 April 1949, A445, 235/3/7, NAA.

⁷⁸ Там же. В 1949 году его возраст указан как 44 в книге Sharonova, *Istoriia russkoi emigratsii*, 168, и был - 45 согласно надгробию в Калифорнии согласно книге Tabolina, *Russkii dom*, фото на непрономерованной странице. Его товарищ Моравский давал ему 50 лет. (Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 30).

причина заключалась в том, что миссия Австралии видела в нем нарушителя спокойствия⁷⁹, и именно так его представлял представитель МОБ Эрик Боген: «Он создал больше проблем в этом лагере, чем кто-либо еще. В полном согласии с австралийской миссией я могу официально заявить, что он саботировал переезд в Австралию, где мог. Когда он увидел, что встречает твердое сопротивление своим взглядам, он переметнулся и подал заявку в Австралию, но, конечно, она оказалась НЕСООТВЕТСТВУЮЩЕЙ, НЕПРАВИЛЬНОЙ, И ПОТОМУ ЕМУ ОТКАЗАНО»⁸⁰.

Хотя в Австралию теперь подавали заявки, проблемы оставались. Самым большим был проверка безопасности. Это всегда оставалось потенциальной проблемой из-за сомнений Австралии в политической надежности шанхайских россиян. Остро стоял вопрос и о советских паспортах, который, по оценкам Бологова, имелся или когда-то имелся у доброй половины поселенцев⁸¹. Этот факт многим показался подозрительным в Австралии, хотя Департамент иммиграции признал, что обладание советским паспортом не является доказательством симпатий к СССР⁸². И это несмотря на то, что всего несколько месяцев с тех пор, как одному из коллег Бологова из Ассоциации русских эмигрантов, советскому владельцу паспорта, было отказано в выдаче австралийской визы по подозрению в том, что он был советским агентом⁸³. Была также проблема с военным сотрудничеством россиян с японцами, которое, по мнению офицера МОБ, вероятно, лишило бы права переезда многих потенциальных мигрантов, поскольку «австралийцы, которые достаточно строги, безусловно, не примут их»⁸⁴.

Но они приняли - россиянам Тубабао повезло. Отборочная миссия Лоури основывалась на очень подробных записях об иностранцах, находящихся в руках шанхайских муниципальных властей. В феврале 1949 года в Шанхай был направлен агент миграционной миссии Роджерс, чтобы

---

⁷⁹ Джеральд Прайс к Дженнинг Вонг, 29 May 1949, AJ/43/1076, Folder 8, ANP. Согласно Прайсу, Болгову отказали из-за возраста, но они были осведомлены о его неприемлемом для департамента поведении.

⁸⁰ Письмо от Богена мистеру Якобсену, зам. Гендиректору МОБ, 26 May 1949, AJ/43/1076, Folder 4, ANP.

⁸¹ 'Russian Political Emigrants in China. Why 50% of Russian Emigrants took Soviet Papers', AJ/43/580, ANP. Эта записка, переведенная с русского, очевидно, принадлежит Бологову, и, вероятно, была написана в июле 1949 года. Причины, которые он перечисляет: 1. Отмена международных расчетов и уступок, ставящих под угрозу положение русских в Китае; 2. Русские устали от отсутствия консульской защиты и неопределенного статуса; 3. Влияние военного патриотизма среди русских после немецкого вторжения в Советский Союз в 1941 году; 4. Советская пропаганда о том, что «все изменилось» в СССР, стала правдоподобной благодаря восстановлению воинских званий, русскому патриотизму, сотрудничеству с православной церковью и т. д.

⁸² Советские паспорта как проблема иммиграционной политики Австралии см. Fitzpatrick and Greenwood, 'Anti-Communism in Australian Immigration Policies'.

⁸³ 'Reports from Shanghai on Alien Immigration': Т.Н.Е. Heyes to the Secretary, Department of External Affairs, T8 September 1947, A434 1947/3/21, NAA. Подозреваемый, Н.Н. Эманов, был секретарем иностранных дел и отдела миграции Ассоциации русских эмигрантов в Шанхае.

⁸⁴ Bogen, 'Report on resettlement activity from 29th March to 12th April', 14 April 1949, AJ/43/1076, Folder 8, ANP.

осуществить поиск документов. Это оказалось сложнее, чем ожидалось, из-за хаоса в Шанхае и начальной медлительности подачи заявок на переселение в Австралию со стороны русских на Тубабао. Тогда, когда только 260 из претендентов Тубабао на Австралию были оформлены, Шанхай пал перед коммунистами, перекрыв доступ к файлам безопасности. Это был тяжелый удар для Лоури. Поскольку корабль «Хейвен», вместимостью 350 человек, уже был готов к отходу. Так, Лоури рассмотрел еще 50 дел, руководствуясь собственными сведениями⁸⁵. Хотя эта тема впоследствии была исключена из официальной корреспонденции, очевидно, что более поздние проверки в отношении заявителей из Тубабао основывались исключительно на записях о них с момента пребывания на острове за последние несколько месяцев в лагере Тубабао, а не на какой-либо более ранней политической деятельности. Как сообщил представитель МОБ своему начальнику в конце октября, «во время моего пребывания в Канберре австралийцы соглашались утверждать проверки безопасности с учетом записей нашего лагеря – для них это было проще, чем использовать информацию, официально предоставленную из Шанхая⁸⁶ - особенно с учетом того, что реально Шанхай больше не давал такой информации. Таким образом, жизнь россиян до Тубабао оставалась закрытой книгой для австралийских чиновников.

Другой важной проблемой для австралийской миссии была неожиданно высокая заболеваемость туберкулезом среди россиян на Тубабао. Австралия в целом отличалась своей бдительностью в медицинском вопросе; в Европе их врачи были известны тем, что отказывались от беженцев, у которых отсутствовал палец или была повязка на одном глазе⁸⁷. Наличие тубинфекции, наряду с возрастом, были наиболее частой причиной отказа на заявки на переселение в Австралию, и такие отказы часто означали исключение целой семьи⁸⁸.

Вскоре после прибытия русских на Тубабао китайский врач МОБ, доктор Л.М. Хан (Хан Ли Мин), сделал рентгеновские снимки на туберкулез и показал положительные показания примерно у 10% от общего числа поселенцев. Русские, многие из которых были отобраны после рентгента в Шанхае были возмущены. Отношения с доктором Ханом портились «из-за

---

⁸⁵ Bogen, 'Report on resettlement activity from May 1st to June 20th', *AJ/43/1076, Folder 8, ANP*.

⁸⁶ Боген Якобсену, МОБ, Женева, 25 October 1949, *AJ/43/580, ANP*.

⁸⁷ См., например, записку от Гриерсона Рикфорда к К.Д. Лейн, отмечающего, что медицинское обследование в Австралии было более строгим, чем в других странах, выбирающих иммигрантов, 18 March 1948, *in IRO files, AJ/43/696*; сообщения о жалобах МОБ на «чрезмерно высокий» уровень медицинских отказов в Австралии от Альберта Монка (апрель 1948 г.) и Бриг. Галлеган из Австралийской военной миссии в Германии (19 марта 1948 г.), A6980, S25015, NAA.

⁸⁸ 'I.R.O.Camp, Guiuan, Samar, Philippine Islands. Report by B.K.Lawrey on activities of Australian Immigration Selection Team', 29 July 1949, A2169 1949, NAA.

его описания жителей Тубабао как расистских колонизаторов (по отношению к китайцам) и фраз типа - «самая трудная группа людей, с которой ему когда-либо приходилось иметь дело», а также его предположений о том, что неопределенность их положения сделала их психически больными⁸⁹. (Что касается психических заболеваний, то, как и во многих общинах беженцев, было несколько беженцев, находящихся на лечении, по крайней мере, в последние месяцы их пребывания)⁹⁰.

Среди беженцев распространились слухи о том, что д-р Хан ведет прием и за плату заменит положительный рентгеновский снимок на отрицательный, и что он или его сотрудники искусственно завышали цифры больных, чтобы получить большие партии стрептомицина - основного лекарства для больных туберкулезом, высоко ценящимся на черном рынке⁹¹. Вне зависимости от правды, в переписке с МОБ доктор Хан представил себя как защитника несчастных россиян с положительным рентгеновским снимком. Он утверждал, что австралийский врач миссии по отбору (доктор Даллимор) придерживался устаревшей точки зрения, что «если у человека туберкулез, он будет иметь его всю жизнь». По мнению самого Хана, неактивный туберкулез или туберкулез, успешно вылеченный стрептомицином, не должен быть препятствием для иммиграции, и он призвал МОБ вести переговоры с австралийской миссией и австралийским правительством, «чтобы можно было что-то сделать, чтобы дать этим и без того несчастным людям реальный шанс»⁹². Вскоре многие кандидаты, прошедшие первое собеседование с австралийской миссией, после получения рентгеновских снимков получили отказ во втором⁹³. Когда это случалось с членом семьи, остальная часть семьи также часто получала отказ. В МОБ и в австралийской миссии всерьез тревожились по этому поводу, даже несмотря на то, что австралийцы уверяли, что «многие люди имеют реальный шанс повторно подать заявления, как только они смогут доказать клиническими и другими тестами, что подозрение на туберкулез было необоснованным»⁹⁴.

Миссия Лоури покинула Тубабао через четыре месяца, причем уже было отправлено одно судно («Хейвен» в июне), а другие утвержденные заявители все еще ожидали получения виз. Но МОБ стремилась продолжить

---

⁸⁹ Последнее заявление настолько разозлило русских, что они устроили однодневную забастовку в лагере. Moravskii, Osfrov Tubabao, 29; E. Shirinskaia, Tubabao', Avstraiiada 22 (2000): 2-4; 'I Was a "Teebeeshnik"', in Tubabao. Russian Refugee Camp, 37-39; untitled memoir signed M.K., in Tubabao. Russian Refugee Camp, 3; Nesh, Poterivshie, 238-39.

⁹⁰ List of Samar mental cases. Deteriorated mental condition of Samar refugees', AJ/43/1076, Folder 1, ANP.

⁹¹ Nesh, Poterivshie, 239

⁹² 'Problem of Samar TB cases. Accompanying letter [undated] from Dr L.M. Han, Medical Officer', AJ/43/1078, Vol. 41, ANP.

⁹³ Мемуары без названия, подписаны М.К., in Tubabao. Russian Refugee Camp, 39.

⁹⁴ Bogen, 'Report on resettlement activity from May 1st to June 20th', AJ/43/580, ANP.

переселение в Австралию и по собственной инициативе провела регистрацию беженцев Тубабао, заинтересованных в австралийском пмж, получив таким образом дополнительные 1100 имен, из которых 643⁹⁵ были признаны приемлемыми. (Процесс происходил несмотря на ужесточение австралийской политики в отношении приема престарелых иждивенцев, которая стала причиной отказа для 300 заявителей⁹⁶). В августе все морские перевозки в Австралию, включая мигрантов из Тубабао, были ненадолго приостановлены австралийским правительством из-за национальной угольной забастовки⁹⁷. Однако к этому времени Австралия решила удовлетворить просьбы МОБ о возобновлении отбора, и в сентябре была отправлена вторая австралийская миссия во главе с Лоури с указанием правительства Австралии отобрать дополнительно 650 мигрантов⁹⁸. Работа второй миссии на Тубабао привела к отправке еще двух судов с беженцами для австралийского переселения, и завершилась в конце октября 1949 года с отходом второго судна «Генерал Грили».

Туберкулез по-прежнему оставался проблемой для процесса отбора. Тем не менее, оказалось, что австралийская миссия в сотрудничестве с более популярным преемником доктора Хана в качестве медицинского работника МОБ сумела оправдать многие из случаев туберкулеза с положительными рентгеновскими снимками. Новый раунд рентгеновских снимков помог большинству из тех, кто в первый раз оказался тубопозитивным⁹⁹, и, по крайней мере, некоторым из этих людей удалось вовремя принять австралийскую иммиграцию, чтобы отправиться на «Генерале Грили» в октябре¹⁰⁰. Безусловно точное количество отказов, выданных австралийцами в отношении неактивных или излеченных случаев туберкулеза, неясно. Официальный представитель Всемирной организации здравоохранения написал Генеральному директору МОБ, что необходимо убедить Австралию принять таких людей, может быть, даже с помощью денег, приплаченных в качестве подсластителя, комментируя, что «ввиду всего, что МОБ сделала для Австралии, я думаю, у нее есть основания для заключения сделки»¹⁰¹. Однако министр здравоохранения Австралии А. Дж. Меткалф, по-видимому,

---

⁹⁵ 'Admission of White Russians and others evacuated from Shanghai', Иммиграционный консультативный совет Содружества, июль 1949 года, и 'I.R.O. Camp, Guiuan, Samar, Philippine Islands. Report by B.K. Lawrey on activities of Australian Immigration Selection Team', 29 июля 1949, A2169 1949, NAA.

⁹⁶ Bogen, 'Report on resettlement activity from May 1st to June 20th', AJ/43/580, ANP.

⁹⁷ От Якобсена гендиру 'On Resettlement from the Philippines', 3 August 1949, AJ/43/580, ANP.

⁹⁸ Джерард Прайс Фелино Нори, заместитель министра иностранных дел, Манила, 12 сентября 1949 года, AJ/43/1076, Folder 10, ANP. Другими членами были врач, доктор Корнфорд, и женщина-секретарь.

⁹⁹ Sokoloff, 'I Was a "Teebeeshnik"', in *Tubabao. Russian Refugee Camp*, 37-39.

¹⁰⁰ Tubabao. Russian Refugee Camp, 39. Эта же цифра дана в Nesh, Poterjavshie, 239.

¹⁰¹ X. ван Зиле Хайд гендиру Кингсли, IRO, 19 August 1949, AJ/43/580, ANP.

был твердо убежден в том, что «случаи неактивного туберкулеза, локализованные после лечения стрептомицином, и лица с положительными тестами Канна НЕ ДОЛЖНЫ приниматься»¹⁰². Неизвестно была ли заключена сделка с правительством, но, по крайней мере, некоторые из тех, кто был в списке туберкулеза в октябре 1949 года с «неактивной» классификацией, перебрались в Австралию. Точно так же родственники старше установленного Австралией возраста нередко могли присоединиться к своим детям спустя несколько лет¹⁰³.

В общей сложности 1372 беженца из Тубабао были переселены в Австралию в 1949 году. «Хейвен», прибыв в Сидней 22 июня 1949 года, перевез 341 беженца из Тубабао; «Марин Джампер», прибывший 9 октября 1949 года, вывез 834 человека, из которых 391 были утверждены для иммиграции в Австралию¹⁰⁴, и «Генерал Грили», прибывший 9 ноября, привез еще 574 мигранта. Остальные 56 россиян из Тубабао были отправлены самолетом из Манилы в начале декабря¹⁰⁵.

В течение следующих нескольких лет часть поселенцев последовали самолетом в Австралию, в основном это были пожилые родители и лица, выздоровевшие от туберкулеза¹⁰⁶. Однако правительство Австралии не хотело принимать больше беженцев из Тубабао, хотя к началу 1950 года еще 3500 оставалось на острове. Отчаянная просьба МОБ помочь с размещением, хотя бы 2000 «престарелых беженцев», многие из которых имели выдающиеся достижения в качестве инженеров, управленцев и бизнесменов в Китае, не нашла отклика¹⁰⁷, а когда дело дошло до работы с последней парой сотен «трудных» беженцев, не подлежащих переселению из-за возраста, болезни или вопросов безопасности, вклад Австралии был

---

¹⁰² Записка от Э. Меткалфа, директору по здравоохранению, в секретариат департамента иммиграции – 'Tuberculosis and syphilis in Philippines', 20 октября 1949. A445, 235/3/6, NAA.

¹⁰³ Алла Г.-П., внесенная в список «неактивных» случаев в списке австралийских заявителей с туберкулезом от 18 октября 1949 года, впоследствии добралась до Австралии и была натурализована вместе со своим мужем и сыном в середине 1950-х годов. 49-летняя Валентина В., также с «неактивным» диагнозом, не смогла сопровождать своего мужа, дочь, зятя и внучку, когда они отправились на судне «Джампер» в октябре 1949 года, но им удалось вывести ее позже. 'List of TB Australian applicants, 18 October 1949', AJ/43/1087, ANP; SP1121/1 and A446 1955/12187 (G.-P. case), NAA; *Avstraliada* 59 (2009): 23-26 (V.V. case).

¹⁰⁴ Согласно одному сообщению австралийской газеты, почти все пассажиры «Марин Джампер» хотели бы поселиться в Австралии, но многие из них «были отклонены различными законами Содружества», вероятно, в основном касающимися возраста и туберкулеза: *Kalgoorlie Miner*, 10 October 1949, 4. Остальные отправились в Латинскую Америку, Францию и Турцию: *Tabolina, Russkii dom*, 38; *Moravskii, Ostrov Tubabao*, 32.

¹⁰⁵ Немного разные цифры приводятся в литературе, но наиболее достоверными являются из 'Movement of Displaced Persons from Samar to Australia', A445 235/3/6, NAA. Спасибо Джастин Гринвуд за привлечение моего внимания.

¹⁰⁶ Леонид Сейфуллин, 58-летний офицер царской и белой армии, отец Натальи Татариновой, который последовал за ней в Австралию в 1951 году *Avstraliada* 75 (2013): 16-26; Sharonova, *Istoriia russkoi emigratsii*, 245.

¹⁰⁷ Письмо Пьера Якобсена, исполняющего обязанности генерального директора, МОБ, Женева, министру иностранных дел Австралии, 8 февраля 1950, A445 235/3/6, NAA.

минимальным¹⁰⁸. В целом, по оценкам историка МОБ, Австралия в конечном итоге приняла около 1500 беженцев из Тубабао - но только, как он с иронией отметил, «после долгих убеждений» российских беженцев (и, нужно сказать, правительства Австралии) в полезности переезда¹⁰⁹.

Приключение Тубабао резко закончилось, возможно, с определенной драматической нотой в декабре 1951 года, когда великий тайфун разрушил большую часть лагеря и мост, соединяющий остров с Самаром. Двое беженцев погибли, а остальных «трудных» беженцев пришлось переселить¹¹⁰. Филиппинское правительство, которое осталось крайне недовольным из-за срыва обязательств МОБ переселить всех за 4 месяца, пыталось отговорить МОБ от переселения беженцев на Манилу. Оно подозревало, что МОБ хочет покинуть сцену, оставив на филиппинцев всех «трудных»: туберкулезных, возрастных, эпилептиков и душевно больных. МОБ действительно покинул сцену, когда его несколько раз продленный мандат истек в 1951, оставив разбираться с ситуацией Всемирный совет церквей¹¹¹.

В конце концов, хоть в самом начале вклад Австралии был существенен, Канберра не была лидером по приему Тубабаоских беженцев. Эта честь выпала Соединенным Штатам, которые после одобрения измененного Закона о беженцах в 1950 году приняли в общей сложности 3000 человек в 1950 и 1951 годах¹¹². Это несколько иронически означало, что США, они были и более привлекательны для поселенцев, в некоторой степени взяли на себя «брошенных» Австралией - среди них Григорий Бологов, который станет видным, хотя иногда и неоднозначным, членом русской общины Калифорнии и председателем казачьего союза в Сан-Франциско¹¹³. Архиепископ Иоанн, почти столь же неприятный для МОБ поселенец, отправился в Нью – Йорк, где и скончался и позже канонизирован как святой русской Церкви¹¹⁴. Австралийское сообщество включало много инженеров и джазовых музыкантов - ядро будущего движения российских скаутов Австралии и видные члены международной эмигрантской антикоммунистической организации «народно-трудовой союз», среди

---

¹⁰⁸ 'Hard core', 28 February 1951, AJ/43/1127, Folder 4, ANP; Mollie Rule to W. Boe, 25 May 1951, AJ/43/581, Folder 1, ANP; CCK.G. Rickford, Acting Chief, Dept of Operations, 3 October 1951, AJ/43/502, Folder 4, ANP.

¹⁰⁹ 'Monograph of Mr Barth. Background on the Samar Refugees, as told by Mr Jamieson', AJ/43/140, ANP.

¹¹⁰ Тайфун "Эми", 9 December 1951, AJ/43/1076, Folder 13, ANP.

¹¹¹ Пьер Якобсен, МОБ Женева, Фредерику Томпсону, главе МОБ на Дальнем Востоке и Филиппинах, 21 November 1951, AJ 43/1078, ANP.

¹¹² Holborn, *International Refugee Organization*, 425. Кроме того, около 200 человек отправились в Парагвай, а небольшая группа - во Францию: 'Monograph of Mr Barth. Background on the Samar Refugees, as told by Mr Jamieson', AJ/43/140, ANP

¹¹³ Tabolina, *Russkii dom*, 38-41.

¹¹⁴ Там же, 6.

которых «легендарный Коновец»¹¹⁵. Как косвенное свидетельство успеха россиян в последующем переселении пожилых беженцев в Австралию, несмотря на попытки Департамента иммиграции остановить поток, является тот факт, что одним из первых гражданских акций русской общины Сиднея в 1950-х годах было строительство русского дома для престарелых¹¹⁶.

В русской диаспоре в США и Австралии группа из Филиппин, известная как «тубобаовцы», была достаточно представлена. Они праздновали 50-ю годовщину лагеря Тубабао в Сиднее в 2009 году, а некоторые присутствовали на празднованиях, проведенных на Филиппинах, где щедрость страны по отношению к беженцам была отмечена как часть наследия президента Кирино¹¹⁷. Некоторые даже появились на открытии выставки Конгресса русских американцев в 2016 году «Tiempo Russo Tubabao Island», названной в честь последнего судна, направлявшего беженцев Тубабао в США, посвященной «Св. Иоанну из Шанхая и Сан-Франциско [он же архиепископ Иоанн], полковнику Григорию К. Бологову ... и президенту Эльпидио Квирино»¹¹⁸.

С течением времени Тубабао приобрел романтическую ауру, особенно для тех, кто был молод в 1949 году. Русские влюбились в Скаутинг и воспитывались на путешествиях Жюль Верна и приключениях реального русского исследователя Николая Миклухо-Маклая в Тихом океане, чувствовали патриотическую гордость за свою изобретательность и навыки в подчинении джунглей и строительстве церквей, больниц и школ¹¹⁹. На Тубабао было заключено множество браков, и те тоже оставили романтические воспоминания. Некоторые вспоминали Тубабао в почти идиллических условиях - «самый длинный и самый лучший отдых их жизни»¹²⁰. «На минуту я почувствовал, как будто я попал в рай на земле», - пишет один молодой русский о его прибытии на остров. «Безоблачное

---

¹¹⁵ *Avstraliada*, русскоязычный журнал, посвященный истории русской общины Австралии, включает в себя десятки биографических статей о членах группы Тубабао, в том числе лидера сиднейской общины Михаила Чуркина (12 [1997]: 20-21), Лидера НТС и скаутов Анатолий Коновец, номинированный на Австралийца года в 2009 году (65 [2010]: 1-7) и мемуарист Гари Нэш (Игорь Ивашков) (71 [2012]: 35). Характеристика «легендарный» была дана Коновцу в *Tabolina, Russkii dom*, фотография на нумерованной странице.

¹¹⁶ Nicholas Pitt, 'White Russians from Red China: Resettling in Australia, 1957-59' (Master's thesis, ANU, 2018), 102-8.

¹¹⁷ *Tabolina, Russkii dom*, 10, 40-41.

¹¹⁸ '65th Year Commemorating of Tubabao', 27 October 2016, accessed 23 August 2018, <http://www.russian-americans.org/19509-2/>.

¹¹⁹ У польских беженцев из Европы, которые высадились в Африке по пути в Австралию после Второй мировой войны, были похожие романтические воспоминания: см. Paul Sendziuk, 'Forgotten People and Places: Stalin's Poles in Persia, India and Africa, 1942-50', *History Australia* 12, no. 2 (2015): 54-57. По Миклухе-Маклаю, смотри Sheila Fitzpatrick, 'On the Trail of Nikolai Miklouho-Maclay: A Russian Encounter', in *The Atlantic World in the Antipodes*, ed. Kate Fullagar (Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars, 2012), 166-84.

¹²⁰ *Tabolina, Russkii dom*, 7.

лазурное небо, море спокойное, как зеркало, свежий ветерок, безмятежное спокойствие»¹²¹.

Корабельная записка, составленная в ноябре 1949 года пассажирами-беженцами Тубабао, направлявшимися в Австралию на «Генерале Грили» выражала менее восторженный взгляд, одновременно отстаивая роль поселенцев в борьбе против коммунизма, который многие русские и восточноевропейские мигранты примут в холодной войне на стороне Австралии:

*«С годами потускнеют неприятные подробности жизни Тубабао, и, хотя новые впечатления сотрут память о недавних трудностях, радость того, что мы были спасены от тисков коммунизма, останется в наших сердцах.»*¹²²

Для 1500 человек, которые пробились из Шанхая в Австралию в 1949 году, их пребывание на тропическом острове Тубабао в течение трех-девяти месяцев было незабываемым. Однако в мировой истории миграции середины двадцатого столетия, когда после Второй мировой войны десятки миллионов движутся во всех направлениях, Тубабао может показаться лишь маленьким всплеском. Интерес этой истории заключается в том, что она проливает свет на программу переселения, которая была уникальным вкладом МОБ в послевоенный кризис перемещения населения, и на сочетание планирования и случайности, которые характеризовали процесс ее исполнения.

Случай с Тубабао демонстрирует решимость и находчивость, граничащие с недобросовестностью, когда МОБ со скрытым влиянием американской мощи и денег преследовала свои цели переселения. Филиппины, в частности, не хотели принимать беженцев из Китая, даже на временной основе, и настаивали на том, что если они это сделают, то при строгом понимании, что беженцы будут переселены в течение четырех месяцев. С самого начала МОБ точно знала, что это нереально; фактически, почти два года ушло на то, чтобы вывезти всех беженцев с острова, даже с помощью своевременно налетевшего тайфуна. Австралия не особенно хотела пускать шанхайских русских, но ей пришлось «маневрировать», возможно, отчасти для того, чтобы отстранить МОБ от принятия шанхайских евреев, которых она считала еще менее желанными¹²³. Поселенцы Тубабао - пожилые, незнакомые с физическим трудом и с высоким уровнем

---

¹²¹ Moravskii, *Ostrov Tubabao*, 3-4.

¹²² Tubabao, *Russian Refugee Camp*, 50.

¹²³ Этот аргумент развит в работе Фитцпатрик и Гринвуд, 'Anti-Communism in Australian Immigration Policy'.

заболеваемости туберкулезом, были далеки от идеальных мигрантов для Австралии, тем более что в таких обстоятельствах не было никаких реальных проверок безопасности.

Что касается самих беженцев, то они не хотели высаживаться на необитаемый остров, где им приходилось самим ставить палатки и самим копать уборные, хотя они считали временное пребывание в Тубабао меньшим злом, чем пребывание в Шанхае под гнетом коммунистов. Надежда почти всех из них заключалась в том, чтобы поехать в Соединенные Штаты, но, поскольку это оказалось невозможным в первый год их пребывания, некоторые из них остановились в Австралии как единственном возможном варианте. Те, кого приняла Австралия, казались удачливыми - до тех пор, пока год спустя, после значительного лоббирования со стороны МОБ, США не открыли свои двери, и, в конце концов, большая часть отказников Австралии не было перевезено на американскую землю.

Об авторе

Шейла Фицпатрик является почетным профессором Университета Сиднея и почетным профессором Чикагского университета, автором недавней книги о «Войне Мишки»: Европейская одиссея 1940-х годов (2017)». В настоящее время она заканчивает монографию под названием «Русские, белые и красные: история послевоенной миграции в Австралию».

Перевод: Перевод Дмитрий Радько, помощник председателя ПКО РГО – ОИАК по международным связям